Почему?

Мы были одни в столовой — я и Бум. Я болтал под столом ногами, а Бум легонько покусывал меня за голые пятки. Мне было щекотно и весело. Над столом висела большая папина карточка, — мы с мамой только недавно отдавали ее увеличивать. На этой карточке у папы было такое веселое доброе лицо. Но когда, балуясь с Бумом, я, держась за край стола, стал раскачиваться на стуле, мне показалось, что папа качает головой…

— Смотри, Бум… — шепотом сказал я и, сильно качнувшись, схватился за край скатерти.

Стол выскользнул из моих рук. Послышался звон…

Сердце у меня замерло. Я тихонько сполз со стула и опустил глаза. На полу валялись розовые черепки, золотой ободок блестел на солнце. Бум вылез из-под стола, осторожно обнюхал черепки и сел, склонив набок голову и подняв вверх одно ухо.

Из кухни послышались быстрые шаги.

— Что это? Кто это? — Мама опустилась на колени и закрыла лицо руками. — Папина чашка… папина чашка… — горько повторяла она. Потом подняла глаза и с упреком спросила: — Это ты?

Бледно-розовые черепки блестели на ее ладони. Колени у меня дрожали, язык заплетался:

— Это… это… Бум!

— Бум? — Мама поднялась с колен и медленно переспросила: — Это Бум?

Я кивнул головой. Бум, услышав свое имя, задвигал ушами и завилял хвостом. Мама смотрела то на меня, то на него.

— Как же он разбил?

Уши мои горели. Я развел руками:

— Он немножечко подпрыгнул… и лапами…

Лицо у мамы потемнело. Она взяла Бума за ошейник и пошла с ним к двери. Я с испугом смотрел ей вслед. Бум с лаем выскочил во двор.

— Он будет жить в будке, — сказала мама и, присев к столу, о чем-то задумалась. Ее пальцы медленно сгребали в кучку крошки хлеба, раскатывали их шариками, а глаза смотрели куда-то поверх стола в одну точку.

Я стоял, не смея подойти к ней. Бум заскребся у двери.

— Не пускай! — быстро сказала мама и, взяв меня за руку, притянула к себе. Прижавшись губами к моему лбу, она все так же о чем-то думала, потом тихо спросила: — Ты очень испугался?

Конечно, я очень испугался: ведь с тех пор, как папа умер, мы с мамой так берегли каждую его вещь. Из этой чашки папа всегда пил чай…

— Ты очень испугался? — повторила мама.

Я кивнул головой и крепко обнял ее за шею.

— Если ты… нечаянно, — медленно начала она.

Но я перебил ее, торопясь и заикаясь:

— Это не я… Это Бум… Он подпрыгнул… Он немножечко подпрыгнул… Прости его!

Лицо у мамы стало розовым, даже шея и уши ее порозовели. Она встала:

— Бум не придет больше в комнату, он будет жить в будке.

Я молчал. Над столом из фотографической карточки смотрел на меня папа…

* * *

Бум лежал на крыльце, положив на лапы умную морду, глаза его не отрываясь смотрели на запертую дверь, уши ловили каждый звук, долетающий из дома. На голоса он откликался тихим визгом, стучал по крыльцу хвостом… Потом снова клал голову на лапы и шумно вздыхал.

Время шло, и с каждым часом на сердце у меня становилось все тяжелее. Я боялся, что скоро стемнеет, в доме погасят огни, закроют все двери, и Бум останется один на всю ночь… Ему будет холодно и страшно. Мурашки пробегали у меня по спине. Если б чашка не была папиной… и если б сам папа был жив… Ничего бы не случилось… Мама никогда не наказывала меня за что-нибудь

нечаянное… И я боялся не наказания — я с радостью перенес бы самое худшее наказание. Но мама так берегла все папино! И потом, я не сознался сразу, я обманул ее, и теперь с каждым часом моя вина становилась все больше…

Я вышел на крыльцо и сел рядом с Бумом. Прижавшись головой к его мягкой шерсти, я случайно поднял глаза и увидел маму. Она стояла у раскрытого окна и смотрела на нас. Тогда, боясь, чтобы она не прочитала на моем лице все мои мысли, я погрозил Буму пальцем и громко сказал:

— Не надо было разбивать чашку.

После ужина небо вдруг потемнело, откуда-то выплыли тучи и остановились над нашим домом.

Мама сказала:

— Будет дождь.

Я попросил:

— Пусти Бума…

— Нет.

— Хоть в кухню… мамочка!

Она покачала головой. Я замолчал, стараясь скрыть слезы и перебирая под столом бахрому скатерти.

— Иди спать, — со вздохом сказала мама.

Я разделся и лег, уткнувшись головой в подушку. Мама вышла. Через приоткрытую дверь из ее комнаты проникала ко мне желтая полоска света. За окном было черно. Ветер качал деревья. Все самое страшное, тоскливое и пугающее собралось для меня за этим ночным окном. И в этой тьме сквозь шум ветра я различал голос Бума. Один раз, подбежав к моему окну, он отрывисто залаял. Я приподнялся на локте и слушал. Бум… Бум… Ведь он тоже папин. Вместе с ним мы в последний раз провожали папу на корабль. И когда папа уехал, Бум не хотел ничего есть и мама со слезами уговаривала его. Она обещала ему, что папа вернется. Но папа не вернулся…

То ближе, то дальше слышался расстроенный лай. Бум бегал от двери к окнам, он звал, просил, скребся лапами и жалобно взвизгивал. Из-под маминой двери все еще просачивалась узенькая полоска света. Я кусал ногти, утыкался лицом в подушку и не мог ни на что решиться. И вдруг в мое окно с силой ударил ветер,

крупные капли дождя забарабанили по стеклу. Я вскочил. Босиком, в одной рубашке я бросился к двери и широко распахнул ее:

— Мама!

Она спала, сидя за столом и положив голову на согнутый локоть. Обеими руками я приподнял ее лицо, смятый мокрый платочек лежал под ее щекой.

— Мама!

Она открыла глаза, обняла меня теплыми руками. Тоскливый собачий лай донесся до нас сквозь шум дождя.

— Мама! Мама! Это я разбил чашку. Это я, я! Пусти Бума…

Лицо ее дрогнуло, она схватила меня за руку, и мы побежали к двери. В темноте я натыкался на стулья и громко всхлипывал. Бум холодным шершавым языком осушил мои слезы, от него пахло дождем и мокрой шерстью. Мы с мамой вытирали его сухим полотенцем, а он поднимал вверх все четыре лапы и в буйном восторге катался по полу. Потом он затих, улегся на свое место и, не мигая, смотрел на нас. Он думал: «Почему меня выгнали во двор, почему впустили и обласкали сейчас?»

Мама долго не спала. Она тоже думала: «Почему мой сын не сказал мне правду сразу, а разбудил меня ночью?»

И я тоже думал, лежа в своей кровати: «Почему мама нисколько не бранила меня, почему она даже обрадовалась, что чашку разбил я, а не Бум?»

В эту ночь мы долго не спали и у каждого из нас троих было свое «почему».